

Лю Фумань сменил грязную одежду и тоже вздохнул:

— Ну конечно! В нашей семье и я, и Далун можем зарабатывать, и нам не важны эти два цзиня свинины. Но есть семьи, которые целый год не чувствуют запаха мяса. В этот раз такой редкий случай, кто же его упустит? Всем тяжело, но так поступать с ребёнком — это просто неправильно. Чжу Юйлян действительно поступил подло. Даже если сказать красиво, что он действовал ради общественного блага, как бы он ни конфликтовал с Чжу Цинхэ, нельзя так подставлять ребёнка. Разве он не говорил, что будет слушать мнение всех? Если меня не будет дома, ты скажи, что мы не берём эти два цзиня свинины. У нас совесть не проглочена собаками, чтобы так давить на ребёнка.

Тётушка Фумань, выслушав, кивнула и направилась в дом, но затем, вспомнив что-то, крикнула наружу:

— Когда наступит осеннее равноденствие и начнут сеять озимую пшеницу, помоги Цинхэ с делами. Ему ещё учиться, часто пропускать занятия нехорошо, не дай ему отстать в учёбе.

Лю Фумань улыбнулся и согласился. Все говорили, что он боится своей жены, что он недалёковиден, женившись на такой тигрице, но только он знал: хоть его жена и резка на язык, её сердце доброе, и она куда лучше тех, кто говорит красивые слова, но гнилые внутри.

Деревня словно покрылась мрачным облаком. Везде, где появлялся Чжу Цинхэ, деревенские смотрели на него с особым взглядом и шептались. Сначала он действительно обращал на это внимание, но после ночи сна ему стало всё равно, и он продолжал заниматься своими делами, как будто ничего не произошло.

Однако это настроение, разрастаясь, в конце концов привело к тому, что кто-то не выдержал. Поэтому, когда Чжу Цинхэ остановили и начали уговаривать, он не был удивлён. Он даже почувствовал некую печаль. Перед ним стоял человек, у которого были и руки, и ноги, но его семья жила хуже всех в деревне, известной своими трудностями. Но старая поговорка всё объясняет: у каждого несчастного есть своя вина, и так оно и было.

— Цинхэ, я тебя умоляю! У меня в семье столько ртов, что каждый год проблема наесться досыта. О свинине я даже и мечтать не могу. Ты не можешь думать только о себе и лишать нас этой надежды. Пожалуйста, скажи дяде, что ты согласен. Что это за старая печь? Что ты там хранишь, золото, что ли?

Чжу Цинхэ внимательно посмотрел на человека перед ним. Тот был худым, но выглядел бодро, одетый в грязную одежду. За его мягкими словами скрывалась злоба, словно он готов был наброситься, если тот скажет «нет». Видимо, всегда найдутся те, кто любит поживиться за счёт других, считая, что весь мир должен им сочувствовать и помогать, принимая их жалость и подачки как должное.

На лице Чжу Цинхэ не было особых эмоций, и он спокойно сказал:

— Дядя, тебе стоит помыться. От тебя пахнет.

Тот моментально покраснел, его лицо исказилось от гнева:

— Ты, щенок, что сказал? Деревенские хвалят тебя за учёбу, а я думаю, ты все знания в собачью утробу вложил! Как ты можешь быть таким эгоистом? Ты что, один на свете живёшь? Мы все должны умереть? Ты что, сорняк? Неудивительно, что твоя семья тебя выгнала. Таковую нечеловеческую дрянь я бы тоже не взял, лучше бы тебя при рождении задушили, чтобы не

мучиться.

На лице Чжу Цинхэ промелькнула насмешливая улыбка. Вот такой он, его «добрый» дядя. Для тех, кто каждый день ждёт, что с неба упадет манна небесная, если она действительно упадёт, они не будут думать о том, как жить по-человечески. Их глаза будут видеть только материальное, и их легко использовать. Даже если этот человек ругался как угодно, для Чжу Цинхэ это было безразлично. Раз другие не подумали о нём ни разу, он не был учеником Гуаньинь и не обязан спасать всех.

Тот, увидев, что он не отвечает, решил, что он испугался, и стал ругаться ещё сильнее, разбрызгивая слюну:

— Я тебе говорю, если ты посмеешь лишить нас свинины, я приду к тебе с ножом и зарежу тебя.

Лицо Чжу Цинхэ наконец изменилось. Видя, что вокруг собирается всё больше зевак, он усмехнулся:

— О? Ну и что? Зато в тюрьме хоть кормить будут. Еда с неба — отличное дело. Лучше бы ты ещё больше постарался, нашёл бы двоих слуг, чтобы тебе еду в рот клали, разве не так?

— Это как ты разговариваешь со старшими? Совсем без воспитания! Сегодня я за твоего отца тебя прочу.

С этими словами он действительно засучил рукава, готовясь ударить Цинхэ.

На лице Чжу Цинхэ исчезли все эмоции. В одно мгновение оно стало чужим и пугающе злым, голос стал низким и ледяным:

— Все, смотрите внимательно, кто первый начал, чтобы потом не свалили всё на меня. Дядя, ты крепкий. Если я случайно сломаю тебе кости, не приходи ко мне за деньгами — ведь я даже свинину не ем, боюсь с голоду умереть. Можешь пойти к моему родному дяде. Он ведь недоволен, что я не возвращаюсь домой? Я вернусь, если он разберётся с этим бардаком, который сам устроил. Если ты действительно не сможешь встать, иди к нему за деньгами — у него в шкафу полно купюр.

Тот, не выдержав провокации Чжу Цинхэ, действительно замахнулся, чтобы ударить его по лицу. Но Чжу Цинхэ легко поймал его худую, как сухая ветка, руку, крепко сжал и, ловко отклонившись, обошёл его сзади, ударив ногой по заднице. Тот ещё не успел опомниться, как уже лежал на земле, лицом в грязь.

Чжу Цинхэ с отвращением посмотрел на свою руку. Этот человек явно не мылся уже много времени, от него липко пахло — это было просто невыносимо.

— Ты старший, я не хочу с тобой драться. Кто тебе обещал, иди к тому. И скажу тебе прямо: вся деревня ест свинину, а я один должен спать на улице — отличный план, правда? Почему? Я не боюсь, что вы придёте ко мне с ножом. Если что, пойдём в полицию разбираться. Кто подстрекает к беспорядкам? Кто забирает деревенские деньги в свой карман? Занимает столько земли, а раздаёт два цзиня свинины? Неужели деньги попали в чей-то карман?

В этот момент Чжу Цинхэ излучал такую злобу, что совсем не походил на четырнадцатилетнего ребёнка. В глазах окружающих он был как бешеный пёс, но почему-то его слова всё же до них дошли. Если вдуматься, в них была доля правды. Земля всегда была

ценностью — почему же её отдают за два цзиня свинины? Эта земля принадлежит всему коллективу, всей деревне Чжуцзя. Они выбрали надёжного человека, чтобы он управлял делами, почему же теперь они ничего не знают? Всегда всё решает Чжу Юйлян. Неужели и он получил выгоду? Деревня выбрала его, чтобы он делал добро для всех, а теперь он словно стал идолом, которому поклоняются. После стольких лет освобождения старые феодальные порядки стали историей, а в этой деревне они снова всплыли.

Много лет спустя все кричали о прозрачности власти, а в деревне Чжуцзя скрытое недовольство вырвалось наружу. Если его не подавить, Чжу Юйляну будет трудно оставаться старостой.

Тётушка Фумань только что вернулась из дома родителей и, услышав, что в деревне собрались вокруг Чжу Цинхэ, взяла связку чеснока, перекинула её через плечо и побежала туда. Пробираясь сквозь толпу, она увидела лежащего на земле Дафу, подошла и пнула его, громко ругаясь:

— Кто не знает, что в твоей семье все лентяи! Не хотят трудиться, но хотят наесться досыта. Ты что, в мечтах живёшь? Прожил столько лет, а не смог подать пример своим детям. Теперь дошёл до того, что ребёнка обижаешь — позоришь своих предков! Наверняка ещё кто-то недоволен, что без этих двух цзиней свинины не может жить? Что это за чудо-лекарство, что вы так давите на ребёнка?

Она повернулась к толпе:

— Тот день все видели. Семья Чжу выгнала этого ребёнка из дома. Я не знаю, как можно взять свои слова назад и вернуть выгнанного человека. Делать дела, не думая, не прислушиваясь к совести... Вам и надо, чтобы из-за этих двух цзиней свинины вы готовы были умереть.

Тётушка Фумань схватила Чжу Цинхэ за руку:

— Пошли, не обращай на них внимания. Стая бешеных собак без человечности. Сегодня тётя приготовит что-нибудь вкусное — поешь и потом иди домой, не трогай плитку.

<http://bllate.org/book/16370/1480920>